

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.161.1

Л. Н. Капуцына

«ФОКУС ПОЭТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА»: ВЕНОК СОНЕТОВ ИРИНЫ РЯБИЙ

В статье рассмотрен веночек сонетов Ирины Рябий «И пусть катится век за веком» не просто как эксперимент, суть которого — введение 16 сонета, опровергающего смысл магистрала, а как цель экспериментов со всеми элементами, составляющими структуру венка сонетов. Определено, в чём именно заключается поэтический эксперимент И. Рябий и как избранная ею форма помогает найти ответ на вопрос о судьбе человечества, поставленный в произведении.

Ключевые слова: Ирина Рябий, твёрдая строфа, сонет, веночек сонетов, магистрал, поэтический эксперимент.

DOI: 10.24412/2227-1384-2024-154-58-67

Веночек сонетов Ирины Рябий «И пусть катится век за веком» был опубликован в 2001 г., не однажды был переиздан и вызвал определённый интерес [см.: 1]. Название венка сонетов ставит перед читателем вопрос: какой смысл вкладывает поэт в него? Возможны два ответа. «Пусть катится» жизнь, цивилизация, человечество «век за веком» (разговор явно предстоит не об отдельной человеческой судьбе, для которой века не нужно)– в тартарары, в гибель, в апокалипсис. Второй ответ: это пожелание человечеству вечной жизни — «век за веком», где «И пусть катится» означает «Да будет так!»

В монографии Е. Каргополова «Свет вселенского креста, или Штрихи символической философии поэтессы И. Г. Рябий» (2012) [1, с. 63–85] дан анализ духовного содержания её поэзии, в том числе сонетов. Но форма воплощения его именно в венке сонетов (который вообще не был назван) осталась за пределами исследования. Сама поэтесса, предваряя текст, говорит о своём произведении именно как о венке сонетов: «Чем покажется мой веночек сонетов — не знаю. Он посвящён размышлению о

Капуцына Лидия Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии и журналистики (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан, Россия); e-mail: lidiya_kap49@mail.ru.

© Капуцына Л. Н., 2024

нашей цивилизации, о возможности выхода из её противоречий и пут. Это было сделано и с помощью небольшого отступления от строгой формы венка сонетов: был написан 16 сонет, который опрокидывает заглавный смысл магистрала. В этом весь фокус моего поэтического эксперимента» [3, с. 4].

На наш взгляд, «небольшое отступление» — далеко не единственный эксперимент Ирины Рябий в произведении. Венок сонетов «И пусть катится век за веком» — это цепь экспериментов со всеми элементами, составляющими его структуру.

Цель нашей статьи — определить, в чём именно заключается поэтический эксперимент И. Рябий и как избранная ею форма помогает найти ответ на вопрос о судьбе человечества.

Но сначала попытаемся понять, почему поэты неустанно экспериментируют с сонетом.

Сонет — не только сложная стихотворная форма, но и парадоксальная. Для поэтов, которые «не избегают сонета», стремление неукоснительно следовать строгим правилам этой твёрдой строфы, соблости их (и тем самым продемонстрировать виртуозное владение искусством создания сонета) часто сочетается со стремлением прямо противоположным — нарушить правила, чтобы внутри жёсткого каркаса, не разрушая его, явить нечто новое, совершить своего рода свободный полёт в железной клетке, которой является обязательное движение темы сонета от тезиса через антитезис к синтезу.

Теофиль Готье возмущался разнонаправленными действиями поэтов: «Зачем, если желают пользоваться свободой и располагать рифмы по своему произволу, обращаться к строгой форме, не допускающей ни малейшего отклонения, ни малейшей прихоти. Неправильность в правильном, недостаток соответствия в симметрии — есть ли что-либо более противоречащее логике и сильнее раздражающее нас?». Вывод его был категоричен: «Нужно поэтому всецело подчиниться его [сонета — Л. К.] законам или же, признав их изжитыми, педантичными и стеснительными, совсем не писать сонетов» [Цит. по: 2, с. 7].

Но поэты, начиная с XIII века, когда появился первый сонет Джакомо де Лентини, и до нашего времени, не оставляют попыток изменить, иногда до неузнаваемости, сонетную форму, ухитряясь тем не менее сохранить сонет! И потому «вся история сонета... состоит из бесчисленных отступлений от правил» [2, с. 4].

Не случайно итальянская форма сонета (два катрена и два терцета) утрачивает монополию в эпоху Возрождения, когда у Эдварда Спенсера появляется английская форма (три катрена и один дистих). И не случайны в истории сонета, в частности, русского, который следует в основном каноническому итальянскому сонету, появляются оригинальные формы нарушения обязательных 14 стихов сонетной строфы: «безголовый» (отсутствует один из двух катренов), «хромой» (отсутствует один из

двух терцетов), «хвостатый» (увеличено количество терцетов), «опрокинутый» (два терцета предшествуют двум катренам), «половинный» (один катрен и один терцет) и др.» [см.: 5].

Обязательная рифмовка, нарушениями которой и возмущался Теофиль Готье, также претерпевала всевозможные изменения: именно в ней таились желанные для поэтов почти неисчислимы варианты, особенно если учесть количество рифмующихся стихов в 15 строфах венка сонетов — это при том, что все сонеты венка должны были иметь одну систему рифмовки.

Таким образом, сонет буквально провоцирует поэтов на эксперименты, и венок сонетов является, по существу, наиболее отчётливым их результатом.

В Европе он возникает в XIII—XV вв., в России путь сонета и соответственно венка сонетов оказался короче. Первый сонет на русском языке принадлежит Василию Тредиаковскому (1735), который и определил его правила для отечественных поэтов: «Состоит он всегда из четырнадцати стихов, то есть из двух четверостиший на две, токмо смешенные, рифмы и из одного шестеростишия, имея всегда в последнем стихе некоторую мысль либо острую, либо важную, либо благородную...» [6, с. 387]. Историю русского венка сонетов ведут с конца XIX — начала XX вв. и связывают с именами Вячеслава Иванова, Максимилиана Волошина и других поэтов Серебряного века. Все они неизбежно становились экспериментаторами — даже при стремлении следовать традиционным канонам.

Венок сонетов Ирины Рябий — размышление о судьбе человечества. Каждый сонет предварён эпиграфом — отметим их присутствие в венке как очевидное стремление поэта к экспериментированию. 16 эпиграфов выносят на первое место и тему, и смысл произведения. В 13 из них явственен трагизм существования человечества: «Городу тысячи лет...» Э. Верхарн [3, с. 5]; «Живи ещё хоть четверть века — Всё будет так. Исхода нет.» А. Блок [3, с. 7]; «... и только повторенья Грядущее сулит» Е. Баратынский [3, с. 8]; «Садись один и тризну соверши По радостям земным своей души!» Е. Баратынский [3, с. 11]; «Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде, тайне и авторитете...» Ф. Достоевский [3, с. 14]; «Пойдешь направо — коня потеряешь, пойдешь налево — себя потеряешь...» Русская народная сказка [3, с. 21]; «И увидел я другого зверя, выходящего из земли...» Откровение Иоанна Богослова [3, с. 22]; «Россия, моя Россия, Зачем так ярко горюшь?» М. Цветаева [3, с. 23]; «Город — что море, и волна Отплясывает лихо ритурнель Погибели всеобщей» Г. Гейм [3, с. 24] и др.

И всего три эпиграфа содержат в себе светлое начало: «Придёт желанная пора...» (А. С. Пушкин) [3, с. 9], «И в Евангелии от Иоанна сказано, что Слово — это Бог» (Н. Гумилёв) [3, с. 19]. (Об эпиграфе к 16 сонету скажем ниже). Такое соотношение трагических и светлых эпиграфов свидетельствует не только о борьбе добра и зла, но и о трагическом исходе этой борьбы.

Противостояние двух начал в произведении обусловило ещё одну его особенность: стилевой доминантой всех сонетов является антитеза: «И на *пути* (здесь и далее курсив наш — Л. К.) у них везде *Предел*, поставленный извне» [3, с. 8]; «...*враг Его заветам* Встал на пути пред божьим светом» [Там же]; «И *красота* — уже число, *Симметрия* в узоре нежном» [3, с. 11]. Эти примеры можно множить до бесконечности. Противостояние достигает апогея, и в сонетах появляются имена Бафомета, сатаны, Зверя как воплощение абсолютного зла.

Зло окончательно торжествует, и 15 сонет, магистрал, под эпитафией из А. А. Блока «И даже рифмы нет короче, Глухой, крылатой рифмы: смерть» [3, с. 25] беспощадно фиксирует его победу:

Здесь всё как прежде — век от века
Земная жизнь течёт во сне —
Предел, поставленный извне,
Встал на пути пред божьим светом.

И вместо света — неба смех:
Зима нам стала идеалом —
И городов взошли кристаллы,
Как некогда драконий сев.

Вот Дионис и Аполлон,
И день, и ночь нас наблюдая,
Власть друг у друга отнимая,
Диктуют каждый свой закон.

Трещит и стонет неба твердь —
Незыблема одна лишь смерть [4, с. 25].

Кажется, ответ дан. И ответ трагический и безнадежный. Но Ирина Рябий даёт себе волю и смело экспериментирует с формой венка сонетов, а именно неожиданно (для читателя, мы уже готовы к этому) вводит вслед за магистралом ещё один, 16 сонет. Его предваряет эпитафия из Нового завета «Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная». И если в магистрале торжествует смерть, то в 16 сонете побеждает жизнь:

Незыблема одна лишь смерть.
То значит — жизни нет предела.
И что такое наше тело,
Когда небес открыта дверь!

Душа парит, горе стремится,
Её волнует красота,

Что перед нею суета
И наши будничные лица?

Весь мир со мной желает слиться,
В одной гармонии пребыть!
Душа стремится в высь, как птица,
Воспеть, весь свет благодарить,

Что Бог нас создал человеком...
И пусть катится век за веком! [4, с. 27]

Интонация ликования приходит на смену трагической интонации пятнадцати сонетов, и её создает лексика, противоположная лексике, доминирующей в предшествующих сонетах: «жизнь», «небеса», «душа», «красота», «мир», «гармония», «высь», «птица», «Бог», «человек», «открыта», «парит», «стремится», «слиться», «воспеть», «благодарить».

Ответ дан окончательно: «Пусть катится век за веком» — означает вечную жизнь человека и человечества. Найти ответ на этот вопрос помогает поэту именно эксперимент с венком сонетов, и более того — с каждым элементом, его составляющим.

И. Рябий выбирает для своего произведения более редкий для русской поэтической традиции английский сонет. К нему обращались иногда Аполлон Григорьев (цикл из 7 сонетов, посвящённый переводу комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», 1857), Константин Случевский («Из Вильяма Шекспира», 1904), Фёдор Сологуб («Мудрец мучительный Шакеспеар», 1913). Очевидно, что выбор этими поэтами английской формы сонета обусловлен его темой. У Ивана Бунина, Игоря Северянина, Александра Блока и других поэтов эта форма сонета не была столь определённо связана с английской темой. И всё же этот сонет оставался менее востребованным в русской поэзии, чем итальянский сонет.

Выбрав английский сонет, И. Рябий отнюдь не стремится соблюсти его характеристики. Так, она не следует традиционной системе его рифмовки

АББА + АББА + ВГТВ + ДД / АБАБ + АБАБ + ВГВГ + ДД,

где все три катрена имеют кольцевую рифмовку при обязательной повторяемости рифм в двух из них, чередовании мужских и женских рифм, а дистих отличается самостоятельной рифмой.

Из 48 катренов венка сонетов большая часть — 23 — имеет кольцевую рифмовку, 19 — перекрёстную, 3 — смежную. 3 катрена имеют оригинальную рифмовку в сонете 10 (о ней ниже).

Три сонета — 5, 8 и 15 — состоят из катренов только кольцевой рифмовки, причём дистих в сонетах 5 и 15 имеет самостоятельную рифму согласно правилам:

АББА + ВГТВ + ДЕЕД + ЖЖ,

а в сонете 8 дистих, вопреки правилам, связан рифмой с предшествующим катреном:

АББА + ВГТВ + ДЕЕД + ЕД:

Война — ей рабский наш поклон!
В ней месть кровавая и жажда
Всем мстить, и мстит всегда и каждый —
Была бы воля — грянет гром...

А брат ли, друг ли — то не важно...
Вот Дионис и Аполлон... [4, с. 15]

Сонеты 9 и 13 имеют 3 катрена перекрёстной рифмовки, и это почти близко второму каноническому варианту английского сонета, но в нём нет повторяющихся трёх рифм — почти нет, поскольку дистих неожиданно оказывается связан рифмами с одним из предшествующих катренов. В сонете 9 он связан с третьим катреном:

АБАБ + ВГВГ + ДЕДЕ + ЕД,

в сонете 13 — с первым катреном:

АБАБ + ВГВГ + ДЕДЕ + АА.

В остальных 11 сонетах свободно сочетаются катрены разных видов рифмовки: два кольцевой рифмовки и один перекрёстной — в той или иной последовательности (1, 16); два перекрёстной и один кольцевой (6, 12); два кольцевой и один смежной (11); два перекрёстной и один смежной (4). И, наконец, один сонет (4) имеет три катрена всех видов рифмовки — смежной, перекрёстной, кольцевой:

Встал на пути пред божьим светом
Великий архитектор века, —
Духовный свет, или Хирам, —
Создавший Соломонов Храм!

Заставы ставя естеству,
Твердя священные заклатья,
Вверх по ступеням к мастерству
Бредут избранники и братья.

Курятся жертвы в храме их,
И Бафомет сидит на троне,

Весь мир у них как на ладони
Вот-вот воспрянет древний миф ... [4, с. 9].

Дистих в половине сонетов имеет независимую рифмовку, как требуют правила английского сонета, но в восьми он связан рифмой с катреном: в четырёх сонетах — с первым катреном, в четырёх — с последним.

Самая оригинальная строфа венка сонетов в сонете 10 —

ААБВ + ВБГГ + ДГДД + АА:

И день, и ночь нас наблюдая,
У нас на службе погибая,
Слова дряхлеют и смердят,
Они могли бы двигать горы,

Но пересуды, разговоры
Их разрушают, словно яд,
Слова давно устали с нами,
Играя смыслом и умами,

Казня и милуя людей...
Как больно быть у нас глазами
И видеть сущности вещей?
Душа немая, что плебей:

И мы смолчим, где надо, зная,
Власть друг у друга отнимая [4, с. 19].

В этом сонете нарушены все правила его английской формы, названные выше, и наиболее отчётливо нарушено, даже разрушено, важное требование синтаксической законченности каждой строфы, то есть недопустимости переноса. В этом сонете все строфы не закончены, все продолжены в следующих, кроме последнего дистиха, и тот, впрочем, не самостоятелен, поскольку связан рифмой с далёким от него первым катреном.

Правило чередования мужских и женских рифм соблюдено только в половине сонетов (5, 8, 9, 12, 13, 14, 15, 16).

Есть катрены, в которых присутствует только мужская рифма:

Здесь всё рассчитано давно:
Секунда, рацион и рубль,
Как жест, и свет, и каждый дубль
В любом посредственном кино [4, с. 5].

И она не бессмысленна. В сочетании мужской рифмы с односложными словами возникает резкий, рубящий ритм, что создаёт образ города, средоточия цивилизации, враждебного всему живому.

Есть катрены только с женской рифмой:

Мы – отражение отражений,
Все в искажённом видим свете,
Смирясь с судьбою отторжений,
Скорбим по истинной планете [4, с. 8].

Или:

Зима нам стала идеалом,
Сияя гранями алмаза,
Своим пушистым покрывалом
Сокрыла грязное для глаза [4, с. 13].

Мягкая женская рифма соответствует настроению этих катренов: смирения, скорби, покорного согласия с ложью.

Поэт отступает и от традиционного для английского сонета пяти- или (более предпочтительного) шестистопного ямба. Все 16 сонетов написаны четырёхстопным ямбом.

Возникает вопрос: в какой степени эти эксперименты со всеми элементами сонетов помогают воплотить смысл венка сонетов? Или все отмеченные нами (впрочем, далеко не все) отступления от правил сонета и венка сонетов в целом случайны, поскольку поэта вела мысль, которая воплотилась в неожиданном 16 сонете, а остальное было несущественным?

На наш взгляд, столь многочисленные отступления от требований твёрдой сонетной формы создают впечатление, что в мире нет ничего определённого, твёрдого, а есть вихрь, стихия, хаос. Кажется, это противоречит образу зла в произведении, который создаётся картинами города – жёсткого, нормированного, скованного и закованного:

Здесь не тоскуют по весне –
Она точней чертежных линий,
В урочный час растает снег,
Здесь техника – предел гордыни [4, с. 50].

«Строй», «угол», «рацион», «конвейер», «предел», «число», «симметрия» – всё холодно, чётко, определёнno. Но эта рассчитанная, бездушная, враждебная человеку цивилизация несёт гибель жизни, смерть всего сущего, что и означает торжество зла, абсолютного хаоса.

Таким образом, многочисленные отступления от правил, возможно, не были задуманы автором, но они создали атмосферу внутреннего бес-

покойства, тревоги, ожидания окончательного хаоса, чётко сформулированного в магистрале, но, к счастью, перечёркнутого 16 сонетом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Каргополов Е. П.* Свет вселенского креста, или Штрихи символической философии поэтессы И. Г. Рябий. Ханты-Мансийск: [б. и.], 2012. 199 с.
2. *Романов Б.* Русский сонет // Русский сонет: Сонеты русских поэтов XVIII – начала XX века. М: Сов. Россия, 1983. 512 с.
3. *Рябий И. Г.* Возможно читателю // И пусть катится век за веком / под ред. Л. Н. Капуцыной. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2001. С. 3–4.
4. *Рябий И. Г.* И пусть катится век за веком / под ред. Л. Н. Капуцыной. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2001. 28 с.
5. *Совалин В. С.* Послесловие // Русский сонет: XVIII – начало XX века / сост., подгот. текста В. С. Совалина, Л. О. Великановой. М.: Моск. рабочий, 1983. С. 492–498. (Однотомники классической литературы).
6. *Третьяковский В. К.* Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий // Третьяковский В. К. Избранные произведения. М.-Л.: Сов. писатель, 1963. С. 365–420. (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание).

* * *

Kaputsina Lidiya N.
“THE FOCUS OF A POETIC EXPERIMENT”:
A WREATH OF SONNETS BY IRINA RYABIY
 (Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan, Russia)

The article examines the crown of sonnets by Irina Ryabiy «And let century after century roll» not just as an experiment the essence of which is the introduction of 16th sonnet that refutes the meaning of the master sonnet, but as a chain of experiments with all the elements that make up the structure of the crown of sonnets. It is determined what exactly Irina Ryabiy's poetic experiment consists of and how the chosen form helps to find the answer to the question about the fate of humanity posed in the literary work.

Keywords: Irina Ryabiy, fixed verse, sonnet, crown of sonnets, master sonnet, poetic experiment.

DOI: 10.24412/2227-1384-2024-154-58-67

REFERENCES

1. *Kargopolov Ye. P.* *Svet vselenskogo kresta, ili Shtrikhi simvolicheskoy filosofii poetessy I. G. Ryabiy* (The Light of the Ecumenical Cross, or Strokes of the Symbolic Philosophy of the Poetess I. G. Ryabiy), Khanty-Mansiysk, 2012. 199 p.
2. *Romanov B.* Russian sonnet [Russkiy sonet], *Russkiy sonet: Sonety russkikh poetov XVIII – nachala XX veka* (Russian sonnet: Sonnets of Russian poets of the 18th - early 20th centuries), Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ, 1983. 512 p.
3. *Ryabiy I. G.* For a possible reader [Vozmozhnomu chitatelyu], *I pust' katitsya vek za vekom* (And let it roll century after century), Khanty-Mansiysk, Poligrafist Publ, 2001. pp. 3–4.
4. *Ryabiy I. G.* *I pust' katitsya vek za vekom* (And let it roll century after century), Khanty-Mansiysk, Poligrafist Publ., 2001. 28 p.

5. Sovalin V. S. Afterword [Poslesloviye], *Russkiy sonet: XVIII – nachalo XX veka* (Russian sonnet: XVIII – early XX centuries), Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1983, pp. 492–498.
6. Trediakovsky V. K. A new and short method for composing Russian poems with definitions of previously appropriate titles [Novyy i kratkiy sposob k slozheniyu rossiyskikh stikhov s opredeleniyami do sego nadlezhashchikh zvaniy], *Izbrannyye proizvedeniya* (Selected works), Moscow – Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1963, pp. 365 – 420.

* * *